

лезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася».³⁷ Как видно, жалобы на изнеможение тела и болезни духа, которыми начинается царское завещание, не были простой риторической фразой.

«Исповедание» Грозного содержит не одно поразительное признание. Царь сознается во всевозможных тяжких грехах и преступлениях: срамословии, гневе и ярости, пьянстве и блуде, граблении и убийствах. Под конец он откровенно пишет, что своими злыми делами снискал себе всеобщую ненависть: «Аще и жив, но богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший ... сего ради всеми ненавижим есмь».³⁸ Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные. Покаяния царской духовной служили как бы предвестником тех чудачеств и сумасбродств, которым Иван предался в опричнине. Из отъявленных опричных палачей царь образовал своеобразное подобие монашеского ордена. Юродствующие братья делили свое время между застенком и церковью. После очередного кровавого погрома опричники облекались в черные монашеские куколки и предавались посту и молитвам. В пародии на монастырь юродствующий царь был игуменом, а Малюта пономарем.³⁹

В царской духовной покаяния переходят почти без всякой паузы в поучения и наставления любимым «чадцам». Желая уберечь детей от собственных ошибок, связанных с правлением Избранной рады, Иван советует царевичам приобрести навык во всяком «обиходе», чтобы править самовластно. Теория единовластия облекается в следующий отеческий совет детям: «... всякому делу навывайте ... и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу ... ино вам люди не указывают, вы станите людям указывать; а чего сами не познаете, и вы сами ста[ни]те своими государством владети и людьми».⁴⁰ Царь явно желал предупредить сыновей от опеки со стороны временщиков и фаворитов, чего сам не избежал в период десятилетнего правления Сильвестра и Адашева.

В последующих поучениях Грозного явственно проступают контуры близкой опричной реформы. «А людей бы есте, которые вам прямо служат, — наставляет царь сыновей, — жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат».⁴¹ Приведенные рассуждения в самом скором времени воплотились в привилегиях и полной безнаказанности опричников. Иван усердно внушает сыновьям милосердие по отношению к подданным: «А каторые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию».⁴² Конечно, если бы царь вздумал поучать сыновей милосердием и снисхождением после кровавых оргий периода массового опричного террора (1568—1571 гг.), в его словах можно было бы усмотреть сплошную ложь и лицемерие. Накануне опричнины этот совет звучал совсем иначе. Напомним, что при учреждении опричных казни подверглось не более десятка человек и репрессии носили сравнительно умеренный характер.

Поучение «чадцам» Иван заканчивает родительским благословением: «А будет бог помилует, — пишет царь сыновьям, — и государство свое доступите и на нем утвердитесь и аз благословляю вас».⁴³

На этом литературно-публицистическая часть духовной оканчивается, и далее следуют деловые, практические распоряжения.

³⁷ ДДГ, стр. 426.

³⁸ Там же.

³⁹ G. Hoff. Erschreckliche ... S. 9 об

⁴⁰ ДДГ, стр. 427.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 433.